

Иллюзия духа

или Как выздоравливал Фред

16+

Сбитнева Светлана

Светлана Сбитнева

**Иллюзия духа, или Как
выздоровливал Фред**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Сбитнева С.

Иллюзия духа, или Как выздоравливал Фред / С. Сбитнева —
«ЛитРес: Самиздат», 2014

«Иллюзия духа» – это роман о сложном человеке, живущем в сложное время. Главный герой – неординарная, творческая личность: только в современном мире понятие «творческий» могло развиваться до того, чтобы оправдать преступления. Отчаяние толкает героя на преступление, но преступление спасает ему жизнь. В современном мире, где все рамки сместились, сменили очертания или просто перестали существовать, очень сложно сохранить душу, не плениться обманчивой формулой «можно все», но главное – не совершить преступления против себя самого и своего счастья.

ЧАСТЬ 1

Глава 1

– Фёдор! Фред!

Фред обернулся и равнодушно посмотрел на мельтешащих на тротуаре людей, пытаясь определить того, кто его окликнул. Навстречу ему уверенно и быстро приближался невысокий мужчина со смутно знакомым лицом. Фред остановился и замер в пол-оборота к мужчине, вспоминая, где и когда мог его видеть. Мужчина тем временем подскочил к нему вплотную и схватил за руку. Тут только Фред узнал в нем своего бывшего однокурсника, с которым в годы студенчества их связывала искренняя дружба.

– Андрей? – удивленно и невольно радуясь старому знакомому, отозвался Фред и ответил на горячее пожатие.

– Тебя не узнать! Сколько в тебе... шарма! – сказал Андрей, оглядывая приятеля.

Фред смутился и тут же почувствовал, что эта встреча из прошлого ему неприятна.

– Как ты? Чем живешь? – тараторил Андрей.

– Да так, потихоньку все, работаю. А ты как? – спросил Фред, видевший, что Андрею не столько интересно узнать про его жизнь, сколько не терпится рассказать и похвастаться своей.

– Да я все тоже неплохо устроил. Вот с Маринкой (ты ее помнишь, наверное? Хвалынина) уже четырнадцать лет живем, воспитываем двоих детишек.

Фред не сдержал удивленного возгласа: чтобы этот проныра и активист остановил свой выбор на одной даме, было невероятно. Поняв причину удивления Фреда, Андрей шутливо прибавил:

– Ну, мы так близки, что можем позволить себе обоюдную неверность. Новые правила, новая жизнь, приходится приспосабливаться.

При этих словах Фред сдвинул брови к переносице, но сдержался и не скривил губы в неприязненной гримасе. Он решительно не понимал этого «нового времени» с его совершенно абсурдными представлениями о счастливой жизни.

– А кем ты работаешь? – спросил Фред, чтобы нарушить затянувшееся неловкое молчание.

Андрей оживился:

– У меня свое дело, небольшое, но на жизнь вполне хватает. У нас компьютерный сервис, занимаемся ремонтом, заменой частей, операционку лечим и так кое-чего. Крутимся, вертимся, стараемся.

– Ну не беда, что небольшое. Главное, счастлив? – с улыбкой спросил Фред.

Мгновение его приятель колебался, но тут же широко улыбнулся и весело ответил:

– Вполне! Работа есть, жена есть, дети есть, отдых по расписанию, воспитание детей по образцу. В общем, все схвачено как по нотам, чего же еще желать?

Слова Андрея звучали искренней радостью за свою судьбу.

– Хе, вызов, – сказал Андрей, доставая телефон. – Надо бы как-нибудь свидеться.

И не обменявшись ни телефонами, ни адресами, они распрощались тепло, но торопливо, и разошлись.

В первые секунды Фреда неприятно поразило, что этот человек, которого он хорошо знал когда-то, абсолютно счастлив своим таким обычным положением. Он расплелся, фигура его разбухла, на постаревшем лице проявились признаки лени. Он обзавелся семьей, женившись на девушке, которую никогда сильно не любил и, презрев все возвышенные идеалы, самым постыдным образом счастлив положением ничем не связанного мужа и отца. Фред помнил его еще совсем юнцом, неоформившимся, но подававшим большие надежды человеком,

который хоть и не говорил никогда о своих грандиозных планах на эту жизнь, но никогда образ Андрея не вязался в его представлении с такой серостью. Он не мог толком объяснить себе, что именно было «серым» в жизни его старого приятеля. Фред знал людей, которые жили точно так же: тихо делали свое дело, не претендуя на баснословные высоты, тихо воспитывали детей, из года в год придерживались одного и того же заведенного порядка, но они были созданы для такой жизни изначально, они действительно были счастливы, они были *нормальные*, но не *серые*. «Может быть, Андрей всегда был мне симпатичен, и поэтому я не мог его никогда понять?» – подумал Фред.

Неприятный осадок, оставшийся от минутного разговора, все больше и больше раздражал Фреда. Он не мог объяснить себе, что послужило источником этого раздражения, и от этого раздражался еще больше. Постепенно мысли его сместились в сторону его собственной жизни. «А кто я в этом мире? Где мое счастье? Мое место?» – повторял про себя Фред. Неожиданно для него самого в голову пришла простая, но болезненная мысль, и вслед за ней горькое чувство невозможности заново прожить уже прожитые годы. Он подумал, что как-то не так распорядился этими прожитыми годами, что его жизнь сложилась не так, как должна была сложиться. Хотя как она должна была бы сложиться, он тоже не мог сказать. Фред не понимал, что именно он не сделал из того, что должен был сделать, но чувствовал, что чего-то не хватает, что-то было им упущено.

Это навязчивое ощущение недовольства было мучительно. Фред чувствовал, как где-то глубоко внутри, в области сердца, это недовольство разливается по грудной клетке и словно сдавливает сердце, душит его. Он сделал несколько глубоких вдохов, постарался расслабить живот, но ощущение не отступало, теперь Фред чувствовал себя в плену у своего тела: в ответ на ощущение в груди у него мелко задрожали руки, в глазах потемнело, ему сделалось неуютно и захотелось скрыться куда-нибудь. Он прислонился к стене дома, чтобы облегчить свое состояние, и в который уже раз подумал, что ему надо обратиться к врачу.

Люди шли мимо него, кто-то проходил так близко, что Фред ощущал на своем лице и голой руке прикосновение холодного воздуха, шлейфом следовавшего за проходившими. Он смотрел на этих идущих мимо людей, и ему казалось, что он понимает их, что отчетливо видит их положение. Постепенно он словно удалялся от них, отстранялся, как будто смотрел на них сквозь толстое приглушающее звуки и отдаляющее их фигуры стекло. Все они, все эти люди, были ему гадки, несмотря на то что ничего гадкого в них не было.

«Зачем эта полная женщина вышла на улицу с таким злым некрасивым лицом? Она же могла накраситься и улыбнуться, – подумал он и недовольно скривил губы. – А муж наверняка ей изменяет, если уж изменяет даже такой хороший мужик, как Андрей». Фред помотал головой, словно прогоняя от себя эти абсурдные злые мысли. Рядом мальчик слишком громко сказал что-то своей сонной, с блеклым лицом матери и улыбнулся. Оба, и мать, и ее ребенок, и в особенности улыбка этого ребенка, показались Фреду отвратительными.

– Гадость, – прошипел Фред и подергал ворот рубахи, мешавший ему дышать.

«Зачем вы все нужны? И этот мрачный городишко с его мрачными гадкими людишками, – Фред, все так же облакачиваясь о стену дома, стал продвигаться вперед. – Жизнь. Мрак. Сердце где-то, – при последнем слове Фред взволнованно прислонил правую руку к груди, потому что ощутил там странный толчок. – Что может мне дать этот город? Не знаю. Зато он может многое отнять. Это монстр. Мрачный, злой город!» В висках пульсировала кровь, отдаваясь во всей голове резкой пугающей болью, но Фред двигался дальше. Он отстранился от стены и теперь шел самостоятельно, стараясь двигаться быстрее.

Через несколько минут ему стало намного легче, он задышал свободнее, голова почти не болела. Он сбавил шаг и свернул в сторону парка. Люди вокруг уже не казались ему такими отвратительными, но мысль о том, что все они живут ничтожной, примитивной жизнью не оставляла его в покое. Он всматривался в прохожих и на некоторых серых лицах замечал

довольную улыбку. «Чему они радуются? – спрашивал себя Фред. – Вот этот мужчина, почему он улыбается?» – подумал он, взглянув на солидного господина в дорогом пальто. Воображение его нарисовало картину его быта, и она ничем не отличалась от жизненной картины его приятеля Андрея. «Чем же он доволен?» – снова спросил Фред. «Потому что все складывается так, как положено по плану», – ответил ему его внутренний голос. «Да, некоторым этого достаточно, – спокойно подумал он. – А что хорошего в жизни этой женщины с собачкой?» И снова ему ответил его внутренний голос: «Ей хорошо просто жить, радоваться мелочам и заботиться о своей собачке». Фред обернулся на еще не ушедшую женщину, но вопреки доводам голоса не увидел на ее лице признаков счастья, только мрачную озабоченность.

Он дошел до парка и пошел по хорошо знакомой ему дорожке. Он совсем успокоился, и теперь совесть журила его за недавнюю слабость, но он старался не обращать внимания. Он снова вернулся мыслями к вопросу о человеческом счастье. «Странно, вот я живу, живу, а о том, что все могло бы быть по-другому, никогда не думал. Ведь я несчастлив! Мне уже почти сорок, а я еще не женат. Есть, конечно, Наташа, но мы не семья все-таки. Почему меня не привлекают простые житейские радости, почему я не могу жить как все и быть при этом счастливым? – Фред почувствовал давешнее неприятное раздражение. – Наверное, я просто другой, и счастье у меня другое. Но почему я другой? Почему мне только сегодня пришла в голову мысль о том, что неплохо бы было прожить эти без малого сорок лет по-другому, завести семью, воспитывать детишек, найти компромисс с собственными желаниями и возможностями? Потому что меня так воспитали? Потому что у меня в голове что-то не так устроено, не как у всех? Потому что мне было лень разобраться со своей жизнью и придумать ей смысл? Потому что у меня избалованный рассудок, который не выносит скуки и неизбежно начинает скучать, если все движется по более-менее предсказуемой колее?»

Фред дошел до самой отдаленной лавочки и сел. Он чувствовал себя утомленным этими ниоткуда взявшимися вопросами, которым он никогда прежде не придавал никакого значения.

Фред поднял уставшие глаза и посмотрел на линию горизонта. Нечеткие позолоченные формы расплзлись по небу, предвосхищая наступление темноты. Холодный осенний воздух загородил собой золоченый шар, уже едва видимый за горизонтом. Все как обычно. Каждый год примерно в одно и то же время Фред привык наблюдать эту, в чем-то даже поэтическую картину. Но она никогда его не трогала: это был просто пейзаж, декорации для бессмысленных действий бессмысленно живущих людей. Он достал сигарету, закурил, чтобы насладиться этим маленьким ежевечерним ритуалом, возможно, в последний раз. Это была последняя сигарета в пачке, и Фред хотел выкурить ее, чтобы уже навсегда распрощаться с дурной привычкой, от которой ему надоело зависеть. Фред медленно и глубоко вдыхал терпкий густой дым, без сожаления отпуская на волю эти последние секунды своеобразного блаженства. Сигарета тлела в его руке, медленно умирая. Он докурил ее, выбросил окурки и, пожившись, удобнее устроился на скамейке. Ему не хотелось идти домой: какая-то томная нега разлилась по его телу, сковала ленью все его мышцы. Фреду было тепло и уютно и казалось, что если он сейчас пошевелит хотя бы пальцем, то его тело окажется где-то снаружи, где холодно и тоскливо. Состояние это было похоже на дремоту, когда сон еще слишком легок, чтобы толкнуть спящего в крепкие объятия Морфея, но и достаточно настойчив, чтобы навязывать свои нестройные образы и думы. Перед затуманенным дремотой взором Фреда то и дело проплывали люди, которых он видел сегодня; он вспоминал обрывки фраз, сказанных этими такими чужими ему людьми, вспоминал их жесты, сложные гримасы, ядовитые кривые ухмылки, хищный блеск глаз, негодуяще подрагивающие ноздри. Их человеческие лица то и дело размывались и обретали новые очертания: они походили на диковинных животных, рогатых, с острыми, как иглы, усами, с хвостами и искривленными несоразмерно длинными позвоночниками.

Из этого полузабытья Фреда вернула музыка, доносившаяся откуда-то издалека и поэтому звучащая так тихо, что он не слышал мелодию, а скорее угадывал по вибрациям холодного воздуха. Никакие посторонние шумы не прерывали неуверенного потока этой мелодии. В большом многолюдном городе минуты такой нетронутой тишины большая редкость. Лавочка, на которой устроился Фред, располагалась в парке, который хоть и был на окраине города, все же всегда был наполнен людьми. Но сейчас он, оглядевшись по сторонам, никого не заметил. И это было удивительно. Он сидел и вникал в мелодию, поддаваясь искушению снова отдаться во власть полудремоты и пугающих видений. Взгляд его снова нехотя скользнул в сторону горизонта и замер: солнце уже скрылось за полоской ландшафта, и место соединения неба и земли было кроваво-красного цвета, словно незатянувшаяся рана на теле какого-то неведомого существа.

И вдруг Фред ощутил невнятную боль где-то глубоко в груди, а потом в голове: что-то медленно и смутно зашевелилось в глубине его сознания, какое-то воспоминание, какое-то живое переживание. В нем, считающем себя давно окостеневшим, лишенным эмоций и переживаний истуканом, зашевелилось что-то живое, что-то, что было способно причинить ему боль. Этот болезненный закат и эта мелодия, которая теперь показалась Фреду несоответствующе веселой, пробудили в его душе что-то давно погасшее, но еще не умершее и способное вновь зажечь истинной жизнью. Фред вдруг почувствовал, как под сердцем зашевелилось ликование, искренняя беспричинная радость. Кровь быстрее побежала по жилам, холодные пальцы потеплели. Он не мог понять, откуда взялось это странное чувство; он попытался остановить его и рассмотреть. Это чувство было похоже на чувство влюбленности, юношеской чистой любви, не знающей обид и нетерпения, но знающей красоту и цену жизни. Фред почувствовал пощипывание в носу, поморщился, чтобы избавиться от этого дискомфорта, но робкая слезинка уже успела накопиться в углу левого глаза и скользнуть на щеку. Он не стал ее прогонять. Ему казалось, что сейчас он испытывает не искаженные временем восторги тех волшебных минут, когда, еще не утративший душевный трепет, он мог чувствовать жизнь, понимать ее и ценить. Фред закрыл глаза и упивался этим то ли воспоминанием, то ли сиюминутным впечатлением. Он видел себя мальчиком лет десяти, еще совсем ребенком, смеющимся вместе с друзьями беззаботным смехом слепой радости, не ведающей печалей и горестей мира. В эти мгновения он, уже почти умерший, начал вновь полноценно жить; эти несколько секунд были словно спасительным вздохом, вернувшим ему жизнь, столько долгих лет спрятанную от него за пеленой мнимого счастья и спокойствия.

В воздухе раздался резкий пронзительный пьяный смех. Фред вздрогнул и посмотрел в ту сторону, откуда доносился веселый галдеж. Пугливое чувство, только что владевшее им, улетучилось, оставив после себя лишь горечь утраты и ощущение безнадежности.

Глава 2

Осень бушевала в этом году недолго. Она наступила сразу, без предварительных дождей и предупреждающих заморозков, поцарствовала отведенное ей время и дала дорогу зиме, не очень стараясь отвоевать себе у времени дополнительные дни. Так уставший от игрушки щенок без сожаления оставляет ее на тротуаре и лениво плетется в конуру.

Зима выдалась долгая и выжливая. Зимний туман как-то сразу смешался с городским смогом и завис над головами горожан, как бы предупреждая, что он задержится здесь на несколько долгих, лишенных солнечного света месяцев.

Фред с первых дней зимы начал страдать и маяться. Все вокруг как-то сразу наполнилось тоской и унынием. Рутинные дела и необходимость что-то делать только ухудшали его самочувствие. Каждый день был для Фреда пыткой: он вставал на работу, с отвращением умывался, приводил себя в порядок, без аппетита что-то ел, без особого внимания выслушивал

Наташины упреки. Каждый день утомительная дорога до офиса и обратно злила его и изматывала нещадно. На работе все, даже незначительные мелочи, раздражали и без того раздраженную нервную систему. Лишь иногда, когда работа требовала от него предельной сосредоточенности, ему удавалось отвлечься от всего остального и посвятить себя ей. Такие, пусть и недолгие часы были для Фреда спасительными.

Постепенно Фред начал замечать, что в его душе зреет сильная неприязнь к этому заведенному порядку, что ему просто необходимо что-то поменять. Надоедливая предсказуемость и однообразие, омраченные ощущением безрадостной безысходности, совершенно лишали его жизненных сил. Не было ничего, что могло бы порадовать его утомленную душу, что привнесло бы в его жизнь необходимые покой и уверенность. Жизнь превратилась в хорошо отлаженный механизм, и выбраться из этого порочного круга обыденных дел и чувств казалось невозможно.

К счастью, все сложилось удачно: Фред был ценным человеком в рекламном деле, которым занимался, и поэтому стоило ему заикнуться о желании сменить работу, как весть разнеслась по офису, и как-то утром к нему в кабинет вошел один из самых уважаемых клиентов их агентства, протянул визитку с телефонным номером и сказал:

– Это ваши конкуренты. Но у них есть вакансия и они очень бережно относятся к своим сотрудникам. Рекомендации я дал (а я для них тоже не последний человек), так что если надумаешь, позвони.

Фред позвонил сразу, как только кабинет опустел, и договорился о встрече на следующий день, во вторник. Остаток дня он провел за работой, стараясь отдать ей все свои силы и мысли, чтобы у его измотанного рассудка не осталось сил на беспричинную грусть.

* * *

С наступлением темноты Город превращается в площадку для съемок фильмов ужасов. Неприкаянные холодные тени ползают по стенам домов, опасливо оглядываясь на освещенные окна; предметы и лица обретают неприятный голубоватый оттенок в неярком искусственном свете фонарей; то тут, то там глазу мерещатся причудливые образы. И холод, мутный льдистый холод, как кисель, обволакивает этот театр мутантов.

Фред поежился. Опустив глаза и стараясь не смотреть по сторонам, он пошел к автобусной остановке. К счастью, ему не пришлось долго мерзнуть: нужный автобус подошел почти сразу. В салоне было на удивление немногочленно, и Фред отметил про себя, что задерживаться на работе допоздна можно и почаще – дорога домой будет приятнее. Он сел у окна и стал смотреть на угрюмый бесцветный пейзаж, вырывааемый из темноты придорожными фонарями.

Автобус подъехал к очередной остановке: на ней никого не было, кроме какой-то женщины. Никто не вышел и не вошел, автобус дернулся и поехал дальше. Фред смотрел на женщину. Вдруг фары автобуса осветили ее лицо, и он в ужасе отпрянул от окна: это было темное, почти черное лицо, искаженное злой и одновременно с тем несчастной гримасой. На голове фигуры огромный шлем, а на плечах почему-то монашеский балахон. Спустя мгновение Фред осознал, что это все та же женщина, немолодая. Ее лицо казалось темным из-за освещения. Скорее всего, она бежала, увидев автобус издали, поэтому задохнулась, и это одышка вызвала на ее лице пугающую гримасу. В шлем и балахон насмешливая фантазия обратила меховую шапку и грубое пальто. Фред глубоко вздохнул и постарался успокоить запрыгавшее сердце.

На съезде с основной дороги образовалась пробка. Справа реденький лесок на заснеженной возвышенности, удивительно яркая круглая луна повисла непривычно низко и пылливо смотрит сквозь деревья на дорогу. Где-то совсем близко завyla собака, но Фред уже не поддавался страху. Из темноты на него глянули чьи-то пустые глаза – очертания белого черепа проступали из сугроба при приближении автобуса. Всего лишь сугроб с грязными от выхлопов пятнами, которые издали и были похожи на глазницы и беззубый костистый оскал мертвой головы.

Конечная. Фред вышел из автобуса и побрел к метро, по-прежнему не поднимая глаз от грязной слякоти и заляпанной реагентами обуви горожан. Рядом с входом в подземелье Фред увидел маленького сгорбленного старичка. Жалкий, скрюченный, в выцветшей шапке-ушанке, в древнем, по стилю средневековом плаще, с седой длинной острой бородкой на сморщенном, но добром лице, он напоминал волшебника из сказки или шамана. Фред порылся в кармане, вынул горсть монет и протянул их старику. Старик быстро, по-звериному, глянул на Фреда, протянул к монетам шуплую ручку с длинными острыми ногтями, под которыми Фред разглядел грязь. Длинные искаженные старостью пальцы осторожно дотронулись до монет, Фред разжал кулак и высыпал монеты на подставленную стариком ладонь. Старик поднял глаза на Фреда и улыбнулся едва заметной, но доброй улыбкой. Уже спустившись по лестнице, Фред еще раз оглянулся на сказочного старичка: тот все так же стоял на своем месте. «Надо бы в магазин зайти, ведь дома еды нет, Наташа сегодня у родителей ночует», – подумал Фред уже около своего подъезда и нехотя повернул в сторону ближайшего магазина.

В магазине, несмотря на поздний час, было много народу. Женщины, одетые в дорогие шубы и дешевые пуховики, сновали между стеллажами, то и дело задевая чужие тележки. Мужчины, которых в магазине было мало, стояли в очереди за готовыми блюдами и полуфабрикатами. Фред взял мясную нарезку, пачку копченых сосисок, булки, чай в пакетиках, банку растворимого кофе, упаковку печенья и шоколадку. «До выходных должно хватить, тем более что в среду приедет Наташа и что-то приготовит», – подумал Фред и пошел к кассе.

На улице, когда Фред выходил из магазина, ему под ноги бросилось что-то небольшое, с ярким звериным лицом, неестественно большими и яркими глазами. Он в страхе отпрянул и чуть не выронил пакет с покупками. Нечто обежало его и схватило за руку вышедшую следом женщину. Всего лишь ребенок в причудливой маске. Фред почувствовал тяжесть в голове, правое ухо заложило. Глубоко вздохнув, он пошел домой.

В окнах его дома кое-где горел свет, мелькали суетливые тени, с нижних этажей до Фреда долетал человеческий гомон. Он замедлил шаг у соседнего со своим подъезда. В окнах первого этажа горел свет, довольно громко работал телевизор. Проходя мимо, Фред посмотрел на незашторенные окна кухни. За небольшим столом сидели три человека – две женщины и ребенок. Женщины о чем-то спорили или просто эмоционально разговаривали, ребенок, мальчик, приставал по очереди то к одной, то к другой с какой-то книжкой, что-то показывал. Женщины каждый раз отвлекались от своего разговора, что-то говорили ребенку, одна из женщин, помолже, нежно целовала его в лоб. В кухню вошел невысокий мужчина, в годах, с забавным грушевидным телом, но опрятный. Он что-то сказал, и все засмеялись. Ребенок засмеялся громче всех, визгливо, так что Фред отчетливо услышал его смех. Видимо, ребенок был счастлив, что взрослые смеются, что они счастливы, и из-за этого засмеялся так громко.

Где-то под ложечкой неприятно засосало: Фреду сделалось не по себе. У него не было своей семьи, родители жили далеко отсюда, и вот уже много лет у каждого была своя жизнь. Одиночество, этот, пожалуй, один из основных недугов современного человека, день за днем, неделю за неделей стачивал Фреда, портил, губил, истощал его силы. Он подумал о Наташе. Но Наташа не спасала его от одиночества: между Фредом и нею всегда оставалось какое-то незаполненное пространство, дистанция, которая делала их далекими друг другу. Фред не мог полностью довериться Наташе, отдаться их близости, а Наташа была слишком современной и самостоятельной, чтобы по-настоящему впустить мужчину в свою жизнь. Фред не раз приходил к выводу, что, скорее всего, эта невозможность близости навеяна страхом, глупыми стереотипами, какой-то накопившейся за столетия человеческой глупости обидой, но, чтобы сократить дистанцию, нужно признать друг перед другом наличие проблемы, признать свою неправоту, сознаться в своем страхе, а это в современном мире почти подвиг, и совершить его может только отчаявшийся сумасброд.

Фред жил в обычной для спального района Города шестнадцатизэтажке, криво покрашенной желтой и коричневой краской. Дом был старый, но крепкий. Перед подъездом была воткнута куцая елка, наличие которой сразу номинально превращало двор в более благоприятный и, соответственно, дорогой, поскольку елка, если верить соседке с первого этажа, проходила по всем документам как «зелень», и двор числился как «зеленый». Недостроенная подземная парковка, которую обещали достроить уже шесть лет, также делала дом почти элитным. Но пока что парковка представляла собой нагромождение бетонных плит, с торчащими из них уродливыми прутьями. Плиты были оформлены очень даже в современном городском стиле, то есть раскрашены неумелыми граффити и похабными надписями. «Город рассчитан на количество, а не на качество жизни, поэтому застраивают здесь чуть ли не каждый свободный сантиметр пространства. Город – источник прибыли, причем немаленькой, а прибыли хочется всем», – привычно подумал Фред, даже не подумал, а скорее в очередной раз объяснил себе, почему никто не занимается парковкой, чтобы не рассердиться на нерадивых сограждан.

В подъезде пахло приготовленной рыбой: видимо, консьерж недавно поужинал. Запах рыбы просочился за Фредом в лифт и висел в крохотном пространстве жестоким напоминанием о его, Фреда, одиночестве до самого пятого этажа.

Пока он занимался ужином, то есть ставил чайник, доставал и выкладывал в миску затвердевшие булки, варил сосиски, он включил радио, чтобы хоть чем-то разбавить томительную скучную тишину. «...провели испытание компактного ядерного устройства большой разрушительной силы. Как сообщается, случившееся не отразится на радиационном фоне соседних государств...» – забубнило радио. Фред подошел к приемнику и с силой нажал кнопку выключения.

– Как мне все это надоело! Ненавижу, ненавижу новости, ненавижу радио, ненавижу людей! – отошедший к окну Фред снова подскочил к радио и рывком выдернул вилку из розетки, схватил приемник и засунул его в шкаф, хлопнув дверцей.

Обессиленный от ненависти и обиды, он сел на стул, сжал голову руками. «Не могу так больше, – в отчаянии думал он. – Это не жизнь! Как мне надоело жить в постоянном страхе, что когда-нибудь человечеству хватит мозгов начать войну, что люди никогда не научатся жить в мире! Как мне хочется спрятаться, чтобы не слышать об этих ужасных событиях, оградившись от многократно перевранной ради привлечения зрителей и слушателей информации! Мне не хочется быть частью этого зловещего мира, я хочу отключиться от этой информативной помойки, от этих кошмаров, которые создают люди!»

Сердце Фреда бешено колотилось, в глазах потемнело, в горле что-то набухло и мешало кислороду поступать в легкие. Фред задышал часто. Такое уже случалось с Фредом и прежде: иногда он слишком эмоционально воспринимал происходящее, слишком болезненно реагировал на некоторые события. Особенно это касалось событий масштабных и межгосударственных. Когда он слышал о том, что где-то люди воюют, или испытывают ядерное оружие, или о каких-то политических конфликтах, им овладевала паника. Его состояние в такие минуты было похоже на истерику: его била дрожь, немела рука или нога, он испытывал необъяснимую ярость, которая прожигала его насквозь, наливалась огнем все его тело.

Впервые такое с ним произошло, когда на протяжении нескольких месяцев все вокруг старательно раздували тему очередного конца света. Он пришел домой после работы, Наташа где-то задерживалась. По телевизору по всем каналам говорили только об этом: целые передачи посвящались тому, как в разных странах люди готовятся к этому событию, чуть ли не каждый второй рекламный ролик на все лады обыгрывал мифическую катастрофу, все фильмы были посвящены только этому. Он нашел канал, который всегда придерживался политики развлечь и рассмешить аудиторию, и погрузился в какой-то сериал. Вдруг серию прервали на середине, и на весь экран Фред увидел странную картину, снятую, похоже, любительской камерой: на

хорошо узнаваемой улице собралась толпа, которая была в настоящей панике. Люди кричали, плакали, толкались перед камерой, что-то наперебой кричали. В их руках были плакаты с удручающим содержанием. Они гласили, что все умрут, что наступили последние дни, что ничто не спасет человечество. Фред почувствовал, как его виски сдавила резкая боль, он схватился ладонями за голову и застонал. «Что ждет нас двадцать первого декабря?» – бесстрастным голосом проговорил диктор, и Фред снова застонал от пронзительной раздражающей его голову боли. «Мы все вам покажем», – снова сказали с экрана, и Фред, зажимая уши, выбежал из комнаты. На кухне он немного пришел в себя. Боль унялась, но его руки дрожали мелкой дрожью, тело пробирал озноб. Затем он погрузился в странное забытие, оцепенение и просидел так, в полной неподвижности, до Наташиного прихода.

Фред был рад, что Наташа не видела его в таком унижительном состоянии. С того вечера подобные состояния стали повторяться регулярно. Он не мог нормально ездить в метро, потому что эта паника особенно настойчиво преследовала его именно в подземелье, он не мог воспринимать адекватно информацию из новостей. Ему постоянно казалось, что его жизнь в опасности, что вокруг него бродят смерть и уныние, что все хорошее кончилось и он, больной какой-то неизлечимой болезнью, неизбежно умирает. Врач на время развеял его опасения, сказав, что такой же болезнью болеет треть городского населения, что вызвана она больными нервами и лечится вполне успешно отдыхом и режимом. Однако, несмотря на слова доктора, Фред чувствовал, что его жизнь теперь не может быть нормальной.

Когда Фред очнулся, часы показывали полночь. Он встал и сделал несколько шагов по кухне, стараясь превозмочь ноющую боль во всем теле. Чайник давно остыл. Дрожащими пальцами Фред снова его включил, потом включил конфорку под кастрюлей для сосисок. Тело по-прежнему ныло, и Фред снова сел за стол, зная, что справится с этой невыносимой болью ему поможет только время и сытный ужин.

Глава 3

Фред посмотрел на часы: до собеседования с потенциальным новым начальником оставалось пятнадцать минут. Он подошел к зеркалу, облокотился на край раковины. Глубокий вдох, закрыть глаза, медленный выдох. Фред открыл глаза и пристально посмотрел на свое отражение в зеркале. Высокий уверенный лоб, четкие, немного резкие черты лица, сжатые в тонкую полоску губы. Слишком напряжены губы, они выдают, что он нервничает; нужно их немного расслабить. Он улыбнулся.

– Все отлично! – уверенно сказал он своему отражению.

И все действительно было отлично. Фред идеальный претендент на эту должность, у него есть рекомендации от человека, к мнению которого в этой компании прислушиваются все без исключения. Фред, без всякого сомнения, сумеет произвести впечатление на своего потенциального работодателя, ведь в конце концов не зря же он столько времени потратил на изучение человеческой психологии, на то, чтобы научиться максимально точно определять психотип нужного человека, на то, чтобы научиться предельно эффективно контролировать свои эмоции и владеть ситуацией. Фред был готов к этому собеседованию больше, чем кто бы то ни было. И помимо всего прочего, он был профессионал в своем деле – он много лет занимался рекламой, знал потребности этого рынка и как их удовлетворить.

Фред еще раз взглянул на свое лицо: волосы идеально уложены, щеки идеально гладкие. Он провел пальцем по бровям, придавая им тоже идеальную форму. Затем он поправил галстук и ворот рубахи, дотронулся до циферблата дорогих наручных часов, надетых скорее для того, чтобы соответствовать компании, бросил последний взгляд в сторону зеркала и вышел из туалетной комнаты.

Он постучал в дверь нужного кабинета ровно за тридцать секунд до назначенного времени. Никто не отозвался. Он постучал еще раз и заглянул внутрь: кабинет был пуст. Он вошел. Едва он затворил дверь, как она вновь открылась и в проеме показалось симпатичное женское личико. Это, судя по всему, была секретарша.

– Эдуард Владимирович будет через минуту, – сообщила она грубоватым для ее внешности голосом. – Хотите чая, кофе, воды? – заученно предложила она.

– Нет, благодарю, – Фред вежливо улыбнулся.

Девушка скрылась за дверью, а Фред погрузился в свои мысли. Не мешало продумать еще раз сценарий предстоящего разговора. Поздороваться, улыбнуться, сделать полшага, не больше, навстречу Эдуарду, протянуть руку для пожатия. Предложит сесть – сяду здесь, спиной к окну, хорошая позиция. Попросит начать диалог – повторю то, что написал в резюме, несколько раз, три, нужно произнести слово «творчество» и «креативный». Помимо этого неплохо вставить в речь слова, внушающие интерес ко мне как к специалисту, но ни в коем случае не шаблонные. Например, личностный потенциал, неординарный подход, реакция с продуктивным результатом. Нет, это какая-то глупость, неграмотное словосочетание.

– Доброе утро, Федор Алексеевич!

– Здравствуйте, Эдуард Владимирович! – Фред двинулся в сторону вошедшего, протянул ему руку.

– Присаживайтесь, прошу вас.

Эдуард Владимирович сел на то место, которое выбрал для себя Фред перед его приходом. Теперь оставалось только два свободных стула: напротив сидящего спиной к окну Эдуарда и рядом с ним; обе позиции неудобны. Поколебавшись секунду, Фред выбрал «боковой» стул. Сидеть боком к собеседнику неудобно: приходится постоянно сидеть в пол-оборота, в напряженной позе, поворачивать голову. Но, во всяком случае, так они оба оказывались в одинаково неудобном положении.

– Ну что же, Федор Алексеевич, резюме я Ваше видел, рекомендации от Анатолия Петровича тоже получил и считаю Вас вполне достойным предлагаемой позиции. Однако у меня довольно строгие требования к кандидатам на это место. Сами понимаете, зарплата более чем приличная, работа ответственная, но интересная, бонусы, премии, благодарности, само собой, так что есть, за что побороться. Вы, скажу сразу, подходите нам больше других кандидатов, но все же у меня есть, так сказать, некоторые сомнения. Поскольку у Вас есть шанс занять вакантную позицию, воспользуйтесь им наилучшим образом, – он коварно улыбнулся. – Вот Вам первое испытание: удивите меня.

Эдуард Владимирович слегка развернул стул, чтобы сидеть к столу боком и лицом к Фреду, откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Его большая лысая голова при этом спокойно устроилась между плечами, взгляд стал равнодушно-отстраненным.

Отупляющее отчаяние овладело Фредом. Что хочет от него этот человек? Почему он так неприятно и холодно на него смотрит? Почему вообще он, Фред, взрослый мужчина, должен играть в эти игры? Он, взрослый человек с хорошим образованием и немаленьким опытом работы, он, знающий свое дело со всех возможных сторон, он, безоговорочно достойный хорошего рабочего места, сидит здесь, перед другим взрослым человеком, который повелевает ему удивить его, словно Фред собачка, которая за лакомство в руках хозяина исполняет все его команды. Фигура Эдуарда сразу представилась Фреду пугающе огромной и мерзкой. Этот человек походил теперь на огромную жабу с рыхлым шершавым телом, которая открывала мерзкий квадратный полный мелких острых зубов рот, чтобы квакнуть, изрыгнуть на Фреда новую порцию унижения. Фреду сделалось противно. Но отступить нельзя. Если уж влез в это болото, то выйти из него сухим, не унижившись, не получится.

Замешательство Фреда длилось несколько секунд, но он не позволил себе ничем его выдать. Он спокойно, немного медленнее, чем хотел, поднялся с места и подошел к стойке

с чайными пакетиками и тарелками с какими-то сладостями, взял три больших печенья и начал ими жонглировать. На его лице застыла натурально сфабрикованная счастливая улыбка. Он подкидывал печенье вверх, отчего в стороны летели крошки. Подбросив печенье еще несколько раз, Фред поймал их и сунул одно себе в рот, после чего сел на прежнее место.

Эдуард во время представления сидел с ничего не выражающим лицом; лицо его оставалось каменным все время, пока испытуемый садился на стул и жевал печенье. Когда Фред проглотил последний кусок и встал, чтобы попрощаться и уйти, Эдуард протянул ему руку, довольно улыбнулся и сказал:

– Вы приняты, приступаете завтра, завтра же, я надеюсь, мы успеем уладить все формальности, – после чего попрощался и вышел из кабинета.

Фред не ощутил особой радости от своей победы. Он унизился, но этого оказалось вполне достаточно, чтобы получить место. «Люди ненормальные, но от них никуда не денешься», – подумал Фред и тоже вышел из переговорной.

Документы на прежней работе ему выдали неохотно. Все были удивлены его таким неожиданным уходом. Начальник посетовал на его опрометчивость: Фред мог просто сказать, что его что-то не устраивает, попросить прибавки к зарплате или поменять клиентов, если ему надоело с ними сотрудничать. Фред ценный специалист, и ему наверняка пошли бы навстречу.

Он расстался с коллегами довольно холодно, может быть, потому, что никогда не испытывал ни к кому из них особой симпатии. Все они были слишком современными, слишком увлечены работой и нацелены на прибыль.

Вечером этого же дня Фред пригласил Наташу в ресторан. Замаечившие впереди перемены наполнили его душу каким-то смутным азартом, захотелось развлечься, расслабиться, может быть, даже повеселиться.

* * *

«Наташа сегодня очень хороша», – отметил про себя Фред. Он заметил, что она сделала другой макияж, не такой, какой делала обычно: сегодня она нанесла на веки золотистые тени, контур подвела еле заметной коричневой линией, ресницы, слегка тронутые тушью, выглядели естественно и ненавязчиво.

Фред, как это ни парадоксально, разбирался в женском макияже. Он был по натуре любопытен и привык уделять внимание любой новой информации. Эти знания он черпал из женских журналов, которые листал в ожидании своей очереди в парикмахерских. Фред также отметил изящество Наташиного наряда: простое кремовое платье средней длины, перехваченное на талии ярким тоненьким пояском. Никакой откровенной эротики, только изящество, ставшее сильным оружием в руках женщины, умеющей им пользоваться.

Он сидел и любовался Наташей, которая замерла, глядя куда-то вдаль, мимо него. Он не произнес еще ни слова, кроме приветствия, хотя с момента их встречи прошло уже пятнадцать минут. Наташа тоже молчала. Фред оставил без внимания даже ее многозначительный взгляд, словно спрашивающий его мнение о том, как она выглядит. Наташу, как и любую женщину, иногда настигали сомнения в присутствии любимого мужчины: правда ли она хороша? Понравится ли она ему? Не считает ли он ее наряд скучным или, наоборот, вызывающим? Но Фред был неумолим: ни единым словом не выдал он своего восхищения.

Наташа совсем расстроилась. Она так переживала перед сегодняшней встречей, так старательно выбирала образ. Она хотела выглядеть мило, спокойно, уверенно и в то же время сексуально. Подчеркнуто простое платье было выбрано специально, чтобы Фред (этот наблюдательный педант) почувствовал, что она настолько уверена в себе, что в любом, даже самом простом платье может затмить признанную красавицу. Она специально воспользовалась золотистыми тенями, чтобы создать иллюзию легкости и беззаботности; не стала сильно красить ресницы, чтобы не перегрузить макияж, отказалась от помады в пользу едва заметного блеска.

Все, буквально все было продумано до мелочей и должно было служить определенной цели и производить определенное впечатление.

Стоит отметить, что Наташа, как настоящая современная женщина, неплохо в этом разбиралась. Она понимала, что макияж может быть разным, что существуют целые многошаговые схемы по его нанесению, что быть женщиной в хорошем смысле этого слова – целая наука, требующая затрат в виде усилий и времени. Ей нравилось постоянно быть разной, постоянно менять свой образ, «играть» разных героинь. Это пристрастие к сценической игре в жизни было часто обусловлено чисто прагматическими соображениями: желанием понравиться нужным людям, добиться расположения и доверия, чтобы заручиться необходимой (чаще в работе) поддержкой. Может быть, психологом Наташу назвать было нельзя, но у нее было некое внутреннее чутье, помогавшее ей определить, кого хочет видеть перед собой собеседник, после чего она просто придерживалась определенной линии поведения и использовала дозволенные данным образом мимику и жесты. И совершенно естественно, что к поведенческой тактике она также успешно добавляла свой «новый» внешний вид, чтобы производить нужное впечатление на нужных ей людей.

Фред портил ей всю игру. Он никак не выдавал своего отношения к ее облику, от прямых вопросов умело уклонялся. Но была у их отношений и обратная сторона: Наташа не хотела ни в кого играть, она хотела быть самой собой, особенно после того как год назад они съехались. Однако понять, насколько это «сама собой» нравится Фреду, было невозможно. Наташа замечала, что Фред очень внимателен к ее внешности, внимателен к деталям, он словно постоянно оценивает ее, но положительную ставит ей оценку или нет, никогда не сообщал. Наташа пыталась постоянно поменять в своем облике какую-нибудь мелочь, чтобы не прерывать этой своеобразной игры, но в глубине души она начинала почти ненавидеть Фреда за его скрытый садизм, за то, что он такой сложный, прекрасно при этом понимая, что его сложность (которая проявлялась не только в желании мучить людей своей непроницаемостью) как раз и была самой его привлекательной чертой – женщин тянет к чудакам.

Подошла официантка. Наташа и Фред сделали заказ, ни разу не взглянув друг на друга. Когда официантка отошла от их столика, Фред посмотрел на Наташу и наконец нарушил тягостную тишину вопросом:

– Ты не против, если завтра к нам приедет Паша? Нам надо поговорить о делах.

– Нет, – мягко ответила Наташа. Из всех знакомых Фреда он единственный ей нравился. Искренний, немного наивный, Павел располагал к себе всех. Единственное, что не нравилось Наташе, это его работа.

– И что же вы будете делать? – спросила она.

Фред хмыкнул.

– Работать.

– А, ясно, – больше Наташа спрашивать не стала: бесполезно.

Она и так неплохо представляла себе, чем они займутся. Паша работает в модельном агентстве, а Фреду периодически приходится по работе заниматься подбором людей для рекламы, которую он сам и придумывает. В его обязанности входит не только придумать и представить идею, но и приготовить все для ее воплощения. Спасибо доверию шефа! Значит завтра эти два деловых человека будут сидеть и пялиться весь вечер на обнаженных и полубнаженных девушек. А потом тех, которых выберут, пригласят на встречу и будут смотреть на них вживую. Наташа почувствовала, как начинает злиться. В такие моменты она отчетливо понимала, что ей не хватает самого банального: похвалы своего любимого мужчины. С каждым днем она все больше и больше заикливалась на этой мысли и доводила себя чуть не до истерики. Ей было просто необходимо получить от Фреда хоть какой-нибудь залог его к ней любви. К тому же ей как женщине, привыкшей получать внимание в изобилии, катастрофически не хватало этого внимания теперь. Это была попытка для Наташиного самолюбия! А тут еще

эти регулярные просмотры обнаженных девиц. И снизившееся за год влечение Фреда к ней, Наташе. И панический страх измены...

Видимо, злость отразилась на Наташином лице, потому что Фред хихикнул и сказал:

– Опять злишься, что мне придется на девушек смотреть?

– Нет, не злюсь, – Наташа заставила себя улыбнуться.

– Думаешь, что я тебе изменю.

«Зачем он это делает, зачем? – пронеслось в Наташиной голове. – Он же знает, что я не могу спокойно разговаривать с ним на эту тему, он же знает!»

– Нет, не думаю, – Наташа смогла взять себя в руки, и ответ прозвучал спокойно.

– Ну я же вижу. Тебя бесит, что я смотрю на других девушек, особенно красивых молодых девушек.

Это прозвучало так, словно Наташа составляла полную противоположность этим красивым молодым девушкам. Фред еле заметно улыбался. Ему нравилось иногда помучить людей, и Наташа не стала исключением.

– Нет, не бесит. Ты можешь делать все, что захочешь.

У Наташи внутри все кипело, но внешне она оставалась невозмутимой.

– То есть ты хочешь сказать, что я могу тебе изменить и тебя это нисколько не рассердит и не расстроит? – Глаза Фреда зажглись нехорошим блеском.

– Да, можешь. И мне будет совершенно все равно. Просто если я об этом узнаю, мы расстанемся.

Наташа произнесла эти слова спокойно и уверенно, словно оглашая условия договора. Не переставая глядеть на Наташу, которая отвернула голову к окну, Фред слегка подался вперед.

– То есть тебе все равно? – переспросил он. – Тебя не волнует, что мы больше не сможем быть вместе? Тебя беспокоит только факт измены?

– Ты не на том делаешь акцент. То, что мы не сможем быть вместе, следует из факта измены. Мы с тобой об этом уже как-то говорили. Давай не будем портить вечер.

– Никто не портит тебе вечер. Ты сама начала об этом говорить. Давай теперь разберем все до конца. То есть тебя беспокоит, что я найду интересной другую женщину и признаю тем самым, что не ты одна у нас самая прекрасная? – Фред откровенно издевался.

– Неважно, что меня беспокоит. Попробуй изменить, узнаешь, что за этим последует.

Наташа посмотрела на Фреда зло, с вызовом. Она вновь почувствовала неприязнь к этому человеку, которого хоть и любила, но в последнее время начала понимать. Его выходки, регулярные попытки вызвать Наташу на ссору, вывести ее из себя стали ей надоедать. Наташа, возможно, впоследствии пожалеет о том, что не всегда бывала сдержанна и старалась сгладить конфликт, не поддаваясь на провокации, но терпение ее не бесконечно!

Принесли заказанные блюда. Наташа тут же уткнулась в свою тарелку и начала есть принесенный рис с овощами очень маленькими порциями и вдобавок китайскими палочками, что давало возможность полностью сосредоточиться на еде и спрятаться от устремленных на нее глаз Фреда. Фред не торопился приступить к еде. Он несколько мгновений сидел молча и глядел на Наташу лукаво сощуренными глазами, после чего знаком подозвал к себе официантку.

– Девушка, будьте добры, передайте это, – при этих словах Фред написал что-то на сложенной салфетке, – вон за тот столик, той очаровательной блондинке.

Наташа вздрогнула: по голосу Фреда она поняла, что он улыбается. Ей стало нехорошо. Краем глаза она видела, как официантка подошла к нужному столику и вручила салфетку девушке. Наташа продолжала есть рис, автоматически отправляя пустые палочки себе в рот. Ее голова была по-прежнему опущена, поэтому со стороны казалось, что она спокойна, просто очень увлечена едой. Через несколько секунд она пришла в себя, к ней вернулась способность думать. Буквально за доли секунды она приняла решение. Любовь и привязанность в ее сердце сменились презрением и равнодушием, и ей сразу стало легче, потому что в этот

момент для нее решилось многое. Она была почти благодарна Фреду за то, что он избавил ее от необходимости еще неизвестно сколько решать для себя, нужен ей этот мужчина или нет, надеяться, анализировать, планировать. Она почувствовала себя свободной, почувствовала, что к ней стали возвращаться те мечты и надежды, которые когда-то делали ее счастливой.

Наташа взглянула на Фреда, улыбнулась. Молча и спокойно доела вилоккой свой рис. Вновь подошла официантка и протянула Фреду ответ от девушки, написанный на обратной стороне той же салфетки. Фред, глядя Наташе в глаза, картинно разорвал салфетку, не читая.

– Видишь, это всего лишь шутка, – сказал Фред Наташе.

– Вижу, – Наташа снова не сдержала улыбки. Фред, как ей показалось, насторожился.

– Ты же не думаешь, что это что-то значило? – спросил он немного взволнованно.

– Не думаю, – ответила она.

Принесли десерты. Они ели молча: каждый думал о чем-то своем. Наташа все это время была спокойна. Казалось, она забыла о шутке. Фред попросил счет, прошло еще несколько минут, пока официантка несла счет и он расплачивался. Потом они, все так же молча, вышли из ресторана, сели в Наташину машину и поехали домой, все так же в полной отчужденности тишине.

Когда вошли в квартиру, Наташа сняла платье и надела джинсы, достала чемодан и спортивную сумку и стала выгребать из шкафа свои вещи.

– Что ты делаешь? – как-то испуганно спросил Фред.

– Собираю вещи, – просто ответила Наташа.

– Зачем? Это что, шутка?

– Нет, шутишь у нас ты, а я очень серьезна.

– Да брось, Наташ, ты не можешь этого сделать! – Фред подошел к шкафу и неловко попытался загородить от Наташи полки с вещами.

– Почему не могу? Делаю ведь, – она закрыла заполненный чемодан и принялась за сумку.

Наташа не видела лица Фреда, но ей казалось, что он выглядит глупо. Ей стало его жаль. «Главное, не поддаваться слабости!» – подумала она и проглотила подступивший к горлу комок. Фред все так же стоял и молча смотрел.

– Я не хочу, чтобы ты уходила, – наконец выдавил он.

– Зато я хочу.

Слезы снова защекотали глаза, и Наташа вновь мысленно отругала себя за слабость. Потом можно, но не при нем.

Одежда была уложена, оставались кое-какие мелочи. Она быстро прошла по комнате, сунула в сумку рамку со своей фотографией, сгребла из ванной косметику, зубную щетку выкинула в мусорное ведро. Чашка, на которой по-детски написано «Наташа + Фред», отправилась туда же, лишь на мгновение задержавшись в Наташиной руке.

Наташа взяла сумку и чемодан, жестом запретила Фреду помочь и скрылась за дверью, вставив в замочную скважину с обратной стороны ключ.

Фред забрал ключи, прошел на кухню, достал из шкафа коньяк и рюмку. Пить ему не хотелось, но было просто необходимо чем-то заглушить жгучую нестерпимую боль, которая из сердца разливалась по всему телу. Фред понимал, что только он виноват в случившемся, что нельзя играть с чувствами любимого человека, что это жестоко, это подло. Он смутно помнил, что заставило его так повести себя сегодня в ресторане: это злоба, это неверие в то, что кто-то на белом свете может действительно его любить, что есть кто-то, кто может быть ему преданным и верным, злоба на самого себя за то, что он не верит в счастье, что он каждую секунду ждет от жизни подвоха, ждет предательства, беды. И человеческая психика, видимо, устроена так, что когда чего-то боишься, то торопишься это воплотить в жизнь, иногда неосознанно, потому что самое страшное в жизни человека это неизвестность, это незнание жизни наперед. У кого-то хватает сил ждать от жизни лучшего, надеяться на то, что все сложится благополучно,

а кто-то не может найти в себе силы верить в счастливое стечение обстоятельств. И сейчас Фреду в очередной раз стало казаться, что в его настроении, в его страхах виновато общество, которое испортило ему нервную систему, которое научило его бояться людей, бояться жизни.

Он с ненавистью думал о том, что жизнь здесь, в этом городе, отравляет его. Со всех сторон ему твердят, что жить страшно, что все плохо, что кругом только несчастья. Телевидение, радио, газеты и журналы в один голос твердят о катастрофах, о возможных несчастьях, люди обличают друг друга в обмане, в аферах, в зверских нечеловеческих предательствах, они грабят и воюют, они представляются страшными зверями, которые не знают ничего, кроме собственного страха, который и порождает эту агрессию. Люди зарабатывают деньги друг на друге, и уже далеко не всегда деньги связаны с взаимовыгодным сотрудничеством. Люди не гнушаются ничем ради популярности, они готовы каждые полгода кричать на весь мир о грядущем конце света, лишь бы фильмы-катастрофы никогда не выходили из моды и приносили деньги, неиссякаемый поток денег. И им совершенно все равно, что люди, неважно, верят они в это или нет, портят себе нервы, страдают, становятся несчастными, что из-за этого в мире все меньше и меньше доброты, что на место доброго и светлого заступает темное, желчное и злое. Фред посмотрел на ополовиненную бутылку и подумал: «Жаль, что люди становятся такими».

Глава 4

Фред открыл глаза. В еще не проснувшемся сознании отрывки сна расплзлись между воспоминаниями вчерашнего дня. В такие мгновения рассудок еще не включается в свою постоянную аналитическую работу и воспоминания вливаются в мысли бессвязными элементами, и какими бы болезненными ни были впечатления накануне, в эти минуты они не внушают никаких переживаний. Но мгновения эти длятся недолго, и вот Фред уже беспокойно задвигал под одеялом ногой, повернулся на другой бок. Вчерашние тоска, негодование на себя самого больно навалились на весь его организм, придавили своей тяжестью грудную клетку. Желая переключиться с тоскливых мыслей на что-нибудь другое, Фред обвел глазами комнату: на бледно-желтой стене длинной ровной полоской разместился солнечный блик, проникший на стену сквозь неплотно сдвинутые шторы. Солнечный узор был яркого золотистого цвета, местами в кружевных тенях от попавшихся на пути стеблей и листьев комнатных растений. Фред отыскивал глазами самое большое незапятнанное тенями пространство на блике и стал внимательно его изучать. Внутри этого яркого участка колебались какие-то пары, может быть, вызванные смещением холодного зимнего воздуха и выхлопных автомобильных испарений, и казалось, что по стене ровным тонким слоем бежит вода.

Фред зевнул. Вставать не хотелось. Он с ужасом представил, как холодный воздух заполнил пространство комнаты, и там, за пределами кровати с ее теплым уютным одеялом, царствует мрачная меланхолическая пустота. Он стал перебирать в голове образы из сна, обрывки воспоминаний, чтобы отыскать среди них тот, который умиротворит его, успокоит и поможет снова заснуть и проспять до звонка будильника. Представилась Наташа, но он усилием воли отогнал от себя ее легкий образ, чтобы не спровоцировать ненужные воспоминания и навеянные непременно сожалением теплые чувства.

Это усилие окончательно разбудило Фреда и отрезвило от приятной сонной полудремы. Беспорядочные мысли забегали и засуетились: заботы, напоминания, планы, проекты, не забыть, позвонить, написать, сказать, сделать, забронировать, договориться, напомнить, решить. Фред почувствовал раздражение и рывком откинул одеяло.

* * *

До нового места работы добираться пришлось меньше по времени, чем до прежнего. Рабочий день начинался с десяти, а когда Фред толкнул тяжелую входную дверь, было всего

девять сорок. Секретарша изящно поднялась навстречу новому сотруднику, улыбнулась широкой равнодушной улыбкой.

– Доброе утро. Эдуард Владимирович просил меня все вам здесь показать и представить вас нашим коллегам. Вам удобно сделать это сейчас или вы сначала хотите посмотреть на свое рабочее место?

– Давайте сейчас.

– Хорошо, одну минуту.

Она вернулась к своему столу и подняла трубку.

– Оля, меня не будет десять минут. Звонки перевожу тебе. Следуйте за мной, – обратилась она к Фреду. – Меня зовут Марина, первое время можете обращаться с организационными вопросами ко мне.

Фред не успел ответить, потому что девушка снова заговорила, отворяя стеклянную дверь, первую в широком коридорном проеме, в котором они оказались.

– Проходите, пожалуйста. Это Ольга Михайловна, бухгалтер. С ней вы будете обсуждать финансовые вопросы.

Женщина подняла на Фреда воспаленные глаза и равнодушно кивнула. Ей можно было дать лет сорок пять, это была женщина широкоплечая, массивная; серый костюм сидел на ее мощной фигуре мешком. Волосы, собранные в незатейливый пучок на макушке, своим цветом напоминали выгоревшую на солнце солому. Глаза, спрятанные за старомодными очками, казались маленькими и хмурыми. Губы, сложенные в тонкую нитку, словно слиплись под нажимом друг друга.

– Простите, Ольга Михайловна, что побеспокоили.

Они вышли из кабинета. Фреда девушка не представила.

– За этой дверью кабинет наших художественных директоров, Льва Николаевича и Инны Аркадьевны. С ними вам придется довольно часто общаться по проектам, поэтому, когда они появятся, я вас обязательно представлю друг другу.

– Здесь, – они подошли к следующей двери, Марина нажала на ручку, – работают штатные плановики. Входите.

– Анастасия, Николай, познакомьтесь, это Федор, наш новый коллега.

Женщина лет тридцати пяти и примерно такого же возраста мужчина поднялись со своих мест, мужчина протянул руку для пожатия. Фред отметил, что они удивительно похожи друг на друга: оба с темно-русскими волосами примерно одной длины, круглолицые, с похожими небольшими глазами. Только у женщины рот был маленький, а у мужчины, наоборот, большой и растянутый.

– К тиражистам я вас сейчас не поведу, – сказала Марина, когда они вышли из кабинета, – их еще нет. Зайдем к Надежде Дмитриевне, она один из наших контакторов, и к Борису Анатольевичу, творческому директору непосредственно вашего отдела. Но к нему тоже пока что рано.

Они подошли к самой дальней двери коридора, Марина постучала и, почти прислонив ухо к самой двери, несколько мгновений ждала, когда ей позволят войти.

– Доброе утро, Надежда Дмитриевна. Это наш новый сотрудник, Федор.

Надежда Дмитриевна оказалась статной брюнеткой лет пятидесяти, но со следами тщательной косметической обработки на смуглом лице. Яркий макияж смотрелся агрессивно и зло, темные глаза глядели из-под приподнятых бровей сурово. Она какое-то время рассматривала Фреда, при этом носок правой ноги, закинутой на левую, покачивался из стороны в сторону. Наконец она улыбнулась, резко растянув губы в стороны, и громко, словно пролаяла, сказала:

– Доброе утро! Рада знакомству!

После этого она демонстративно села в пол-оборота к гостям и уткнулась в какой-то листок. Марина жестом показала Фреду на дверь и тихо, чуть ли не на цыпочках, вышла из кабинета.

– С этими людьми вам придется общаться довольно часто. Остальных вы можете увидеть во время обеда в нашем кафетерии. Сейчас я покажу, где ваше рабочее место.

Плавнo покачивая бедрами, Марина двинулась в обратном направлении, прошла мимо ресепшен в противоположное крыло. Самая первая дверь была приоткрыта, и по сдвинутым столам, плите, кулеру и холодильнику Фред понял, что это кухня. Перед второй дверью девушка остановилась, открыла ее ключом и прошла в помещение. Кабинет был небольшим, пустым, необжитым, но комфортным. Здесь было два стола, расположенных друг напротив друга в разных частях комнаты, на одном, справа от двери, стоял компьютер. Помимо столов в кабинете было два шкафа, по одному вдоль каждой из свободных стен, напротив двери окно с широким пустым подоконником, за столом с компьютером было черное большое кресло.

– Вы пока что будете работать здесь один, можете выбрать любой стол. Я сейчас скажу специалистам из отдела ИТ, чтобы они подключили компьютер и настроили нужные программы. Кухню вы, наверное, успели заметить. Наше агентство занимает в этом здании три этажа. Над вашим кабинетом расположена фотостудия, поэтому если вас будут беспокоить посторонние шумы, постарайтесь не обращать внимания. Желаю вам удачи на новом месте! – с этими словами Марина улыбнулась (Фред отметил, что ее улыбка стала несколько теплее) и скрылась за дверью.

Утро первого рабочего день Фред провел результативно. Когда все программы были загружены, пришлось потратить час на то, чтобы проверить, как они работают, и перебросить нужные файлы с флэшки на компьютер. Обедать он отправился с небольшим опозданием.

Агентство отделило для своих сотрудников часть общего для бизнес-центра кафетерия, и поэтому Фред мог видеть всех, кто теперь являлся его коллегами. Когда он зашел, «близнецы» (такое прозвище получили удивительно похожие друг на друга штатные плановики Анастасия и Николай) были уже там и пригласили Фреда за свой столик. Дальше двух характерных для ситуации общих фраз беседа не пошла, и обед продолжался молча.

Для Фреда этот обед стал пыткой. За последние несколько недель его мнительность разрослась до невероятных размеров. Ему повсюду мерещились кошмары, опасности, угроза, а недавно к этому списку прибавился страх отравления. Было время, когда он даже почти перестал есть, потому что каждый раз, когда он что-то съедал, ему начинало казаться, что пища несвежая или даже отравленная. Единственное, что пока что не вызывало его опасений, это печенье, пироги и некоторые другие хлебные изделия. Он придирчиво принимался к покупаемым продуктам – сырым овощам и фруктам, особенно тщательно он осматривал блюда, если ему приходилось есть вне дома. В таких случаях он съедал с тарелки то, что вызывает меньше всего опасений, то есть подверглось тепловой обработке. Сложно было есть мясо. Фред сначала тыкал то, что намеревался съесть, вилокoй, затем делал в куске небольшой надрез ножом, подносил блюдо к носу, делал один глубокий вдох и потом несколько быстрых неглубоких, после чего с сомнением возвращал тарелку на стол, медлил несколько мгновений, которые были необходимы, чтобы он мог отважиться и проглотить кусок. Чаще всего у него не получалось победить страх, и кусок так и оставался на тарелке. Сейчас ему приходилось совершать все эти процедуры украдкой, чтобы не обратить на себя лишнего внимания коллег.

Если же он съедал все или съедал что-то, поддавшись недолгому облегчению, в период которого эта его фобия вроде бы проходила, то после еды его начинало преследовать навязчивое ожидание симптомов отравления. Он внимательно прислушивался к своему телу, и малейший естественный для процесса пищеварения дискомфорт вызывал у него состояние близкое к панике. Несколько часов проходили в этом не обоснованном ничем, кроме большой фантазии,

страхе. После этих мучительных часов наступало минутное облегчение, когда Фред понимал, что в съеденной пище не было ничего страшного, но эти несколько минут длились недолго, потому что вслед за облегчением наступало осознание того, что он снова голоден и через всю эту пытку ему предстоит пройти снова, и потом снова повторится все с начала.

Победить этот страх до конца Фреду пока не удалось, но он время от времени отмечал, что уже спокойнее думает о возможной смерти. Это был явно хороший симптом.

Вошли какие-то две незнакомые девушки, обе симпатичные брюнетки. Одна из девушек с интересом посмотрела на Фреда; у другой, которая едва удостоила его взглядом, на безымянном пальце правой руки красовалось массивное кольцо. «Близнецы» доели свои десерты и ушли. На смену им пришли еще три сотрудника: бухгалтер, которая не смотрела по сторонам и ела быстро и сосредоточенно, и парень с девушкой. Девушка была милостивой блондинкой с громким задорным голосом; Фред сразу проникся к ней необъяснимой симпатией и понадеялся, что им придется иногда пересекаться. Мужчина был невысокого роста, темноволосый с аккуратно выбритой бородкой; одет он был стильно, что очень удивило Фреда: кофейный замшевый пиджак, из-под которого выглядывал черный тонкий свитер под горло, он был в очках в тон пиджака, которые не снял, а поднял на лоб. Он очень оживленно что-то говорил. Девушка и мужчина едва заметно улыбнулись Фреду и сели за соседний с ним столик.

– Максим, ну ты представляешь, сказать этому напыщенному ловеласу, что девочки ему не видать. Да он чуть с ума не сошел от злости! Ты бы видел, что этот Ковалевский устроил! Бегал по этажам и кричал, что прикроет лавочку и разгонит тут всю дискотеку.

– Да, видимо, зрелище было то еще! А если бы он проект действительно прикрыл?

– Ну да, можно подумать, он там один все решает. Из них двоих этот всегда был в роли капризного зазнайки, а на деле заведует всем Кирилл, так что не волнуйся.

– Оль, ты так говоришь, как будто мне до этого дело есть. Я ему что, сутенер какой, что ли? Моя вина, что он нимфу свою не впечатлил?

Ольга захихикала.

– Кстати, о нимфах: ролик для магазина сантехники еще не смонтировали? Может, отдашь мне уже?

– Нет, заказчик настаивает, чтобы девушек было пять, а такого типажа пятую модель мы неделю можем искать. Тоже мне фантазия: вот с какой стати белые унитазы должны рекламировать длинноногие мулатки с венками из хромированных кранов?

– Да ладно тебе, по-моему, очень даже мило и необычно.

Максим хмыкнул. Они с Олей какое-то время ели молча. Потом девушка прервала молчание:

– Что у тебя с сегодня? Маша отпустила?

– Одного нет, хочет со мной.

– Ну возьми ее. Приглашений ведь два.

– Мне, если честно, не хочется. Она последнее время какая-то надутая ходит, а в чем дело, не говорит. На вопросы огрызается, говорит, что я сам все понимаю и вижу, а я хожу и как болван малолетний недоумеваю.

– И давно это у вас?

– Месяца полтора.

– Может, про дату какую-нибудь забыл, вот она и обиделась?

– Исключено. Все даты у меня забиты в календарь с напоминаниями.

– А зайти на твои странички в интернете она могла? Может быть, прочитала чего-нибудь не то.

– Да там нечего читать! Нет, здесь я чист!

– Ну тогда даже не знаю, чем тебе помочь...

– Ладно, может, и вместе пойдем сегодня. Доела? Пора к трудам праведным возвращаться.

Фред тоже вышел из-за стола и отправился работать. Когда он проходил мимо Марины, она передала ему какую-то папку. Оказалось, новый заказ. Концепт был детально прописан, оставалось только его реализовать, то есть найти модель и набросать эскиз плаката, чем Фред и занялся в оставшееся от рабочего дня время.

Минутная стрелка на висевших над дверью часах подползла к двенадцати, часовая замерла на семи. Фред, за пятнадцать минут до этого закончивший работу, выключил компьютер, оделся и оставил темный кабинет в молчаливом одиночестве.

* * *

Мороз повис в воздухе, ветер неприятно задувает под шарф, ноги скользят по нечищенным тротуарам. Люди, снова кругом огромная толпа хмурых красных от холода лиц, зябких голосов. Шапки, шарфы, куртки, шубы, бесконечные сумки и пакеты со всех сторон: сбоку, сзади, перед тобой. Голоса, кашель, невнятный гул ползают по подземке, взрываются рядом с твоим ухом, пронзают резкой болью вены на висках, качаются из стороны в сторону, ухают, воют, и начинаешь думать, что попал в чистилище или, того хуже, носишься по третьему кругу ада. В вагоне душно, полно народу. Кругом тебя давят, толкают, сжимают в своих объятиях человеческие тела. Кто-то открыл рот, чтобы глубже вздохнуть, и ты отчетливо чувствуешь запах чужой слюны; эта навязанная интимная близость излишня, она угнетает, потому что начинаешь чувствовать, что все это – запахи, звуки, движения – производит одно огромное большое существо: сгусток ненависти и агрессии ко всему, что есть вокруг: к чужому счастью, потому что оно примитивно, но на самом деле потому, что оно не твое; к чужим деньгам, потому что деньги это плохо, но на самом деле потому, что этих плохих денег недостаточно у тебя; к чужим проблемам, потому что они могут появиться и в твоей жизни; к чужим мыслям, потому что они злы, а на самом деле потому, что это твои мысли злые и ты не знаешь, как от них избавиться.

Фред пошевелил затекшей ногой. Еще шесть остановок, еще всего лишь шесть остановок. Двери открылись на станции – плотная человеческая масса у двери тяжело качнулась и спрессовалась теснее, чтобы впустить еще троих. Где-то в гуще послышался слабый и беспомощный женский вскрик.

Пять остановок. Совсем рядом с Фредом жалобно заплакал ребенок, мать зло его одернула.

Четыре остановки.

Три.

Две.

Уже на следующей пасть раскаленного железного чудища разомкнется и выпустит пленников на свободу. Поезд остановился в туннеле. Минута, другая. Машинист невнятно просит сохранять спокойствие. Фред чувствует, как по спине капля за каплей бежит пот, руки холодеют, живот сводит судорогой. Машинист повторяет свою просьбу. Лоб сделался влажным от пота, злость заставляет губы Фреда мелко дрожать. Наконец поезд тронулся.

На нужной остановке Фред еле-еле протиснулся к выходу, при этом почувствовал, как ручка его дорогого кожаного портфеля надорвалась у основания. На станции резкий свет электрических ламп ударил по глазам, Фред почувствовал, что теряет самообладание.

На свежем воздухе ему стало немного легче, несмотря на то что на морозе дышать было очень тяжело: казалось, воздух превращается у основания носа в воду и совсем не проходит в легкие.

Быстро, стараясь ни о чем не думать, Фред дошел до подъезда и поднялся на свой этаж. Квартира встретила его угрюмым молчанием и отчетливо ощутимым после пребывания на

свежем воздухе запахом колбасной кожуры. Переодевшись, Фред при свете одной дающей мало света лампочки наскоро приготовил себе ужин: достал из холодильника сваренные накануне сосиски, не разогревая, положил на хлеб и полил сверху кетчупом и майонезом.

Глава 5

Неделя на новой работе прошла незаметно: Фред не познакомился ближе ни с кем из своих новых коллег. Иногда, правда, он обменивался кивком с «близнецами», а Марина каждое утро устаивала его раскатистым «здрасьте». Это «здрасьте» должно было означать, судя по всему, ее теплую симпатию к Фреду, потому что со всеми остальными она бывала подчеркнуто любезна и приветствовала не иначе как «добрый день» или «здравствуйте», после которого присовокупляла имя и отчество целиком. Как бы то ни было, Фред ее расположения не разделял.

Всю неделю он ходил хмурый и маялся от скуки: заказы если и приходили, то мелкие, незначительные, и Фред справлялся с ними за час. На третий день ему так надоело вынужденное безделье, что он залез в интернет и начал просматривать сайты с предложениями временной работы в поисках какого-нибудь интересного заказа. Несколько предложений оказались ему заманчивыми, но подать заявку на них он так и не решился: что-то останавливало в самый последний момент, когда палец зависал над клавишей «отправить», что-то похожее на неуверенность, неудовлетворенность.

Сидя в своем кабинете, Фред постоянно погружался в апатию: из-за того что нечем заняться, из-за того что за окном все серое и злое, что не с кем поговорить, потому что все заняты делом. Даже обед в общем кафетерии его не спасал: все ходили обедать парочками или небольшими группками, все были заняты своими разговорами. Конечно, удивительно, что на новичка не набросились с первого дня его появления, что не попытались свести с ним знакомство, как бывает с детьми, когда они приходят в новый класс или новую школу. Наверное, у взрослых все по-другому. Или дело в самом Фреде... Может быть, он своим видом отталкивает от себя людей, потому что не хочет с ними сблизиться?

Очередной день подошел к концу. Фред устало глянул на календарь и в какой уже раз удивился, что сегодня четверг. Значит, завтра короткий день, только к чему эти короткие дни зимой, когда все равно ничем не хочется заниматься?

* * *

Фред раздраженно дернул с вешалки шарф и вышел за дверь. В голове одновременно с сонным дурманом, настойчиво не отпускавшим Фреда из своего плена, крутились беспокойные мысли. Пятница. Значит, впереди выходные. Почему-то в этот раз он подумал о приближающихся выходных с особой тоской. Это не первые его выходные в одиночестве после расставания с Наташей, но в этот раз он испытывал отвращение при мысли, что придется два дня просидеть дома, уставившись в монитор компьютера с игрой или в телевизор.

Дверь подъезда зловеще скрипнула. Солнце, которого ему не было видно сквозь опущенные плотные шторы, на мгновение ослепило Фреда. Это было редкое зимнее яркое солнце, такое, какое бывает только зимой, которое ослепительно сияет в невероятно летнем голубом небе. Ноги как-то сами собой выбрали неспешный прогулочный ритм; Фреду захотелось хоть на несколько минут прогнать из головы все мысли, исчезнуть из этого времени, где над ним тяготеет столько проблем и страхов, и погрузиться в свой внутренний мир, замкнуться в себе, сосредоточиться на ощущении беспричинного детского счастья. С этим, таким неожиданным радостным мгновением, совершенно не вязалась людская глупость, жестокость и беспомощность.

Проехала машина, и солнце весело запрыгало на кирпичной стене дома, отразившись от ее ветрового стекла. Фред почувствовал, как в носу защипало: он был готов заплакать от радости и умиления. Подумать только, один солнечный зайчик подарил затасканной повседневностью душе современного человека столько счастья!

Сегодня Фред не был готов расстаться с этим радостным ощущением: слишком долго его душа находилась в оцепенении от скуки и суеты. Он вспомнил, что если пройти несколько кварталов в северном направлении, то выйдешь к другой станции метро той же ветки. Наверняка большой беды не будет, если он придет сегодня на работу чуть позже.

Фред нацелено сделал круг побольше, чтобы пройти через пешеходный мост. Мост не представлял собой ничего особенного, но для окраины города служил чем-то вроде Центральной улицы: здесь было несколько лотков с сувенирами, пара кафетериев с обеих сторон и много нищей молодежи, желающей получить деньги за свои еще смутные и не оформившиеся таланты. Несмотря на ранний час, люди на мосту были. Фред не спеша подошел к одному из столов с наваленной на нем кучей сувениров, но вытаскивать руки из карманов и трогать мелкие вещицы на холоде совсем не хотелось, и он пошел дальше. Где-то недалеко заиграли на скрипке, и плаксивая трогательная мелодия полилась по золотому воздуху. Играли, может быть, не очень умело, но с душой, и музыка казалась от этого волшебной; особенно Фреду, которому все сегодняшнее утро казалось каким-то фантастическим, выдуманным. Он подошел ближе к звуку, облокотился на поручень и стал искать глазами музыканта. У входа на мост сидел на маленькой складной скамеечке пожилой мужчина; его руки, красные от холода, держали скрипку и смычок. Он выводил смычком ноты, иногда инструмент поскрипывал, когда озябшие руки отказывались слушаться скрипача. Совсем близко с игравшим Фред увидел женщину лет пятидесяти. Она смотрела ничего не видящими глазами на камни мостовой, на ее губах застыла тихая счастливая улыбка. Фреду стало ее невыразимо жаль. Наверное, она очень одинока: может быть, вдова, может быть, бездетная, может быть, просто мать уже взрослых безразличных к ней детей. Дешевая вязаная беретка, копеечное тканевое не предназначенное для такой погоды пальто совсем ее не согревали. Однако, казалось, она не мерзнет. Она стояла прямо, вытянувшись во весь свой невысокий рост, еще не старые руки без перчаток спокойно держали тряпочную поношенную сумку. Вдруг женщина подняла глаза и посмотрела на Фреда, Фред не отвернулся. Эти маленькие голубые глаза, уже слегка затуманенные старческой дымкой, смотрели тоскливо и обреченно: в этом взгляде читалось смирение с судьбой, и эта радость, эта скромная радость, которую она позволила себе испытать, слушая скрипача, отпечаталась в ее взгляде счастьем, смешанным с тоской и одиночеством. На фоне общего ощущения обреченности и безнадежности, которые преследовали Фреда последние несколько месяцев, эта мимолетная тихая радость представилась ему последним желанием осужденного перед казнью. Только ждать исполнения приговора эта маленькая женщина может еще очень долго, каждый день, каждый час уповая на спасение от тоски и душевной боли.

В этой женщине было что-то хорошо знакомое самому Фреду: эта боль одиночества так отчетливо вгрызалась теперь в его душу, что хотелось кричать, настолько материальной и осязаемой она стала. А кругом ни одного человека, который бы выслушал, понял, вместо того чтобы называть Фреда сумасшедшим, который не стал бы тыкать несуразными примерами из жизни других, не стал бы увещевать, что всем сейчас тяжело. Но нет, кругом люди, которые делают глупости, которые заставляют себя бояться, которые пугают и используют тебя, чтобы заработать денег!

Где-то в области живота неприятно свело судорогой мышцу, Фред резко выпрямился. Опять паника. Нет, не сейчас, не сейчас! Он тяжело задышал и пошел в сторону ближайшего кафе: горячий кофе должен ему помочь.

Спустя час он уже был на своем рабочем месте. Солнце скрылось за набежавшими снеговыми тучами, и теперь из окна кабинета Фред наблюдал скучную тоскливую однообразную

картину. Пять минут, десять – тоска все сильнее наваливается на плечи, начинаешь чувствовать ее тяжесть. Пятнадцать минут – тело начинает поддаваться этой одолевающей его тяжести: плечи сутулятся, голова клонится на грудь, тело как-то съеживается и оседает.

Раздался стук, затем дверь отворилась и вошла Марина с дискетой и какой-то папкой. Что ж, по крайней мере, будет на что отвлечься.

До обеда Фред не вставал из-за стола. Хотя Марина и снабдила его легкой рутинной работой, но выполнить ее нужно было качественно. Он глянул на календарь: через несколько дней из командировки вернется его начальник, и тогда, возможно, неинтересные обыденные дела сменятся интересными проектами, которые ему наконец будут доверять.

В кафе во время обеда опять все разделились на парочки. Оля сидела за одним столом с Максимом, но сегодня оба были непривычно молчаливые. Да и не только они. Фред отметил, что сегодня все несколько заторможенные, вспомнил потерянный взгляд Марины. Он посмотрел через перегородку, которая отделяла «их» кафе от «чужого»: за перегородкой люди были такие же. Странно, какие у всех сегодня скучные пасмурные лица, какие серые вокруг них цвета, как размеренно, словно загипнотизированные, они двигают рукой с ложкой или вилкой. Несколько человек неподвижно смотрели в одну точку: кто на цветок, кто на пустой стул, и все механически отправляли в рот еду. Фреду стало не по себе. Эти окружавшие его люди были так пугающе похожи на роботов, они были такие безжизненные, такие страшные. Вдруг Фреду представилось, что он сейчас единственный живой человек в этом здании, даже в этом городе, что вокруг него не люди, а машины, манекены, которым сегодня забыли добавить в программы жизненности. Ни вдоха, ни одной эмоции не доносилось из этого пространства, заполненного жующими ртами. Утреннее неприятное ощущение в желудке повторилось, Фред часто и глубоко задышал. Казалось, эти существа вокруг стали работать челюстями активнее, звон ударяющихся о тарелки приборов стал громче, зал наполнился злым громким чавканьем. Ни одна пара глаз не смотрела живо, кругом не было ни одного по-настоящему живого человека.

– Ой! – Фред резко оглянулся на звук. – Ложка упала, – словно для него одного проговорила Оля.

И сразу, как будто разбуженные, механические лица стали обрастать мимикой, кое-где показались улыбки.

Рабочий день закончился, а Фред так и не смог избавиться от ощущения, настигшего его в обед. Страх сегодня с особой настойчивостью не хотел отступать. Откуда-то из глубины стало выглядывать уже смутно знакомое Фреду чувство, решение, какое-то желание. Оно было неосознанным, но уже сейчас Фред понимал, что ни к чему хорошему оно не приведет. Это что-то копилось в его душе все эти несколько месяцев, с того дня, когда он принял свое нервное расстройство как данность и поставил перед собой задачу научиться с ним жить максимально полноценно. За те месяцы, что он страдал от своего недуга, он все больше и больше копил на людей злобу, причем не всегда эта злоба имела под собой основание. И все его мысли, вся злость диктовались его желанием обвинить в своей болезни других, найти виноватого и тем самым перекинуть ответственность за свою, быть может, надуманную немощь на другого человека. Каждое известие о том, что где-то происходят какие-то конфликты между людьми, он воспринимал особенно остро, считал каждое незначительное событие такого рода подтверждением своей правоты: все люди плохие, злые и глупые.

В метро духота заставила Фреда выйти на две станции раньше, и он снова решил пройти по мосту. Пошел снег, и морозный воздух немного потеплел, согретый, словно накинутым одеялом, пушистыми тучами. Скрипача уже не было, на его месте устроилась большая черная собака. Мост был почти пуст, и Фред остановился посередине, чтобы посмотреть на застывшую речушку и город, укутанный предзакатным сумраком.

Фред стоял на мосту и смотрел вниз – туда, где своим грузным фигурным телом разлегся Город. Падающий с неба снег словно старался прикрыть собой это странное эклектичное тело.

Заходящее за неровный каменный горизонт солнце нескромно скользит по Городу, медленно скатывается по его колючей спине. Город неспокоен. Он никогда не бывает спокоен, он все время бежит, суетится, нервно дергает своими членами. Этот Город слит с населяющими его людьми, болеет их болезнями, нервничает вместе с ними. И вот он, Фред, одна из множества клеточек этого огромного непонятого больного существа, стоит здесь, на мосту, и ненавидит! Ненавидит других людей, и даже самого себя, за то, что они не понимают очевидных вещей, за то, что губят себя, свои жизни, свое счастье, свое спокойствие. Они виноваты, что он, Фред, не может быть счастливым, потому что у него отбирают здоровье: он должен работать тогда, когда не хочет, он должен пересекаться с теми, кто ему неприятен, он должен каждый день слушать, какие еще глупости люди делают в мире, и он должен бояться. Иногда ему кажется, что он единственный человек на этом свете, который боится за всех, который наделен сверхвозможностями впитать в себя весь человеческий страх. А люди продолжают и продолжают наполнять его, как резервуар, этим страхом, этим переживанием за других. Но Фред не может впитать в себя все это. Люди не понимают, что гармония нарушена, и он не в силах ее сохранить! И эти жалкие людишки считают себя развитыми существами?!

Боль пронзила пальцы Фреда, и он с удивлением заметил, что вцепился в оледенелый поручень. Что это было? Нервный срыв? Истерика? Откуда эти странные мысли? Домой, скорее домой, спрятаться, укрыться, исчезнуть! И Фред почти бегом бросился в сторону дома.

Однако мысль, впервые пришедшая Фреду на мосту, теперь спокойно и уверенно закрепилась в его голове, и жажда мести заполонила собой все его желания. Он не знал как, он не знал даже толком зачем, он даже плохо представлял кому и за что, но теперь он должен избавиться от нависшего над ним груза и сделать это, освободиться можно, только почувствовав на своих губах солоноватый привкус мести.

Глава 6

Фред сидел у окна с чашкой остывшего кофе в руках. Солнечные лучи теперь едва-едва пробивались через рябое от облаков небо и спокойно, неярко, лениво облизывали крыши проезжающих автомобилей. Морозная дымка заволокла собой город, приглушила собой его шум, замедлила его беспокойную суетную жизнь. Холод, отражаясь от окон домов, словно светится каким-то самостоятельным, но неживым светом. Фред спокоен. Он давно не испытывал такого равнодушного спокойствия. Чувство одиночества по-прежнему плотно сидело в его сердце, но он больше не пугался его и не испытывал ни малейшего желания что-то сделать для того, чтобы от него избавиться. Он смирился и теперь не без удовольствия позволил разуму зафиксировать этот факт. Ну одиночество, и что дальше? Куда от него денешься? Наверное, Фред относился к тому типу людей, которые обречены на одиночество, даже если вокруг них всегда найдется десяток-другой родственников, друзей и знакомых. Фред слишком самостоятельный и слишком боится довериться другим, потому что доверие делает человека слабым, а Фред предпочитает быть сильным.

Не успел Фред додумать эту мысль до конца и полностью насладиться своим так тяжело ему доставшимся смиренным спокойствием, как вторая сторона его души вступила в диалог и заставила сердце Фреда сжаться от жалости к себе самому, потребовала, чтобы он пожелал избавиться от этого холодного (и вовсе не спокойного) одиночества, скинуть со своих плеч эту гордую ношу. Человек склонен к неуверенности и сомнениям, и Фред, будучи человеком, поддавался навязанной рассудком жалости. Его потянуло к людям, захотелось увидеть хоть одно приветливое человеческое лицо. Сердце забило сильнее, в горле противно засел ком, нос и глаза защипало. К сожалению, его эмоции часто оказывались сильнее рассудка, и в последнее время он стал чаще им потворствовать. Во всем наверняка были виноваты нервы, и Фред ненавидел себя в такие минуты. Ему, словно маленькому ребенку, захотелось уткнуться в ще-

нибудь плечо и разрыдаться. И оттого, что некому было поддержать его в его слабости, он почувствовал себя еще слабее и еще больше испугался своего одиночества. Еще немного, и Фред будет плакать, а потом начнет думать о смерти, а потом с ним случится нервический припадок, после которого он несколько дней (и это в лучшем случае) будет находиться в глубокой депрессии. В моменты этого иступленного нервного напряжения Фред боялся оставаться один. Испугавшись приступа, он вскочил с места и как был, в домашнем растянутом свитере и джинсах, кинулся в прихожую надевать зимнее пальто и ботинки.

В каком-то чаду он выскочил на улицу, застегивая на ходу пуговицы и неловко наматывая на шею шарф. Лишь когда свежий воздух немного охладил его и окутал своей ледяной медлительностью, Фред сбавил шаг и стал оглядываться по сторонам. Он был в трех кварталах от своего дома. Морозный воздух щипал его за нос и щеки, отчего ему сделалось радостно и спокойно, как радостно и спокойно было детям в тех книгах, которые он читал, когда сам был маленьким мальчиком. Это новое радостное спокойствие дало ему возможность хоть недолго, но передохнуть от недавних разрушающих ощущений.

Фред еще раз внимательно посмотрел на окружавшие его дома и распластанные между ними дорожные полотна, чтобы выбрать, куда идти дальше. Отчаянье отступило, и теперь уже не хотелось бесцельно слоняться по промозглым улицам, ему захотелось выбрать маршрут, придумать цель своему внезапному путешествию. Центральная улица, он пойдет на Центральную улицу! Она представлялась Фреду многолюдной, живой, кипящей и пусть такой же суетливой, как и весь так утомивший его своей суетой Город, но сейчас эта суета казалась Фреду спасительной: она согревала, давала людям возможность укрыться от проблем, давала надежду на то, что вслед за плохими временами, временами сонной душевной оледенелости, наступят времена радости, движения, жизни.

Выйти на Центральную улицу оказалось непросто: морозная поземка старательно скрывала от глаз дорогу, заслоняла собой дома, делая их слишком похожими друг на друга. Фреду было сложно ориентироваться в этой угрюмой пустыне: он вплотную подходил то к одному дому, то к другому, стараясь разглядеть названия улиц. Наконец он понял, куда ему идти, и, плотнее закутавшись в пальто, почти побежал в выбранном направлении.

Тучи сгустились; приближающиеся сумерки усилили созданную тучами темноту, придали ей какой-то мистический оттенок. «Быстрее, быстрее к людям!» – звенело в голове Фреда. Он опять почти бежал.

Вот она, Центральная улица, главная магистраль городской жизни, вот они, люди! Множество людей, и все двигаются, живут. Но что-то не так. В свете неестественно желтых фонарей, с усилием проталкивающих свой свет сквозь плотную морозную завесу, все эти люди, вся эта толпа казалась бесцветной и безжизненной. Лиц нельзя было разглядеть, и все находившиеся на Центральной улице люди, все бегущие по ней, сливались в один серый поток липкого текучего вещества. Было что-то устрашающее в этой картине.

Отстранившись от толпы, Фред почти прижался спиной к окну какого-то кафе и, с трудом повернув голову, заглянул в окно в надежде хоть там, в помещении, освещенном теплым светом небольших светильников, увидеть *живых* людей, увидеть их цветные свитера и довольные улыбки.

Рядом с окном, к которому прислонился Фред, стоял столик, парень и девушка что-то сосредоточенно жевали. Они заметили непрошеного гостя и несколько раз одновременно зло на него глянули, а парень даже надменно махнул рукой в его сторону. Пришлось отойти от окна.

Стемнело, пешеходы стали еще зловещее. Наблюдая за толпой, Фред не сразу обратил внимание на то, что среди этого движущегося потока не видно стоящих на месте людей, обычных для Центральной улицы: художники сегодня не вынесли на середину широкой пешеходной части свои полотна, карикатурщики не устроили свой обычный зазывной галдеж, йог, которого

никогда не пугала минусовая температура, не перегородил проход своим полинявшим ковриком. И только кое-где, укутанные с ног до головы в древние бесформенные тулупы, вязаные шали и чудом уцелевшие в схватке с цивилизацией валенки, переминаются с ноги на ногу старушки, охраняя почти пустые лотки с книгами, соломенными домовыми и смешными глиняными котами.

Вдруг в толпе мелькнуло что-то яркое. Фред автоматически повернул голову в сторону яркого пятна, напряженно вглядываясь в него, стараясь понять, откуда оно взялось. Незаметно для себя он сдвинулся с места и сделал несколько шагов в сторону уже почти пропавшего в толпе пятна. Пятно принадлежало человеческому силуэту, почти наверняка женскому. Шляпка? Шарф? Но пятно колыхалось, раскачивалось из стороны в сторону. Фред сделал еще шаг, потом еще. Наконец он смог увидеть, что ярким пятном были волосы – длинные, рыжие, не помещавшиеся под головной убор (черную вязаную беретку). При солнечном свете волосы наверняка живо переливались золотом, но теперь, затененные завистливой морозной пеленой, они казались красными и зловещими.

Теперь Фред не мог отстать от этого яркого пятна. Он приблизился к фигуре почти вплотную. Девушка торопилась. Видимо, ей было неуютно и холодно на открытом воздухе: она то и дело бросала по сторонам сосредоточенные взгляды, может быть, в поисках подходящего укрытия. Туман мешал Фреду разглядеть незнакомку, но те недолгие секунды, на которые она поворачивала голову вбок, дали возможность не столько разглядеть, сколько представить ее лицо.

Нельзя сказать, что она была красавицей. Не очень молодое лицо неестественного мраморного оттенка (неправильно подобранная пудра или неровный свет фонарей были тому виной), неопределенные черты лица, не крупные и не мелкие: ровный нос, напоминающий своей формой клюв какой-нибудь мелкой птицы (воробья или канарейки), тонкие прямые брови, немного выпуклые небольшие глаза. На рот Фред не успел обратить внимания, поэтому сейчас, следуя за незнакомкой, дал работу воображению и пытался представить, какой именно рот подойдет такому лицу. Слишком большой, пусть даже чувственный и красивый рот, делает такое лицо глупым и в чем-то даже карикатурным. Маленький, плохо очерченный с угловатыми «колючими» губками придаст лицу выражение усталое и немного злое. А если такие губы улыбнутся? Улыбка будет некрасивой, однако доброй и естественной.

Тем временем девушка и ее случайный преследователь прошли всю Центральную улицу до конца. Вот теперь они повернут направо, на неширокую, но тоже людную улочку с кофейнями и ресторанчиками, или налево, в сторону жилых домов. Фред испугался, что она повернет налево, и тогда преследовать ее станет сложно или невозможно; ему почему-то не хотелось вот так прервать свое развлечение, которое странным образом заразило его интересом. К счастью, незнакомка свернула на освещенную улицу и даже замедлила шаг, стала чаще поворачивать голову то в одну сторону, то в другую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.